

гениальный юноша сохранил для нас богородицей. Иду я от Кирилловской церкви мимо Бабы-ею Яра на Крещатик, ищу ломбард, где нищий Врубель, в очередной раз закладывая отцовские часы, увидел девочку лет тринадцати, дочь хозяина ссудной кассы. Он посадил ее перед персидским ковром, верно, тоже кем-то заложенным, и написал чудо добра, невинности и сострадания. Помните эту девочку? Конечно. Вы же видели ее Тамарой среди иллюстраций к «Демону» — и плачущую, и танцующую, и заснувшую в гробу под белой вуалью.

Один замечательный мой друг, политолог, никогда специально не занимавшийся историей искусства, сказал о Врубеле: «Это художник пяти веков». Я удивилась — правильно. Хотя можно уточнить: пяти эпох, пяти искусств, пяти жизней. А единственная реальная его судьба оказалась трудной, сбивчивой и печальной. И ведь ходят же по сию пору басни о Врубеле — ветренике и кутиле, о франте, о «гуляке праздном».

Московская биография Михаила Александровича связана с домом на Садовой-Спасской, особняком железнодорожного магната Саввы Мамонтова. Туда привел Врубеля его младший друг Константин Коровин. Врубель не имел тогда в Москве не только квартиры и мастерской, но хлеба и ночлега. В кабинете Мамонтова художник написал одного из своих «Демонов». А подлинный интерьер навеки остался в замечательной картине, изображающей хозяина этого дома.

Савва Иванович — русский «Лоренцо Медичи Великолепный», как называли его художники абрамцевского кружка, — немало доброго оставил после себя в истории отечественной культуры. Это для его северных дорог построил Федор Шехтель свой чудесный Ярославский вокзал в Москве; это Мамонтов воздвиг специальный павильон за пределами нижегородской ярмарки для грандиозных произведений Врубеля «Принцесса Греза» и «Богатырь», отвергнутых комиссией Академии художеств; это в его знаменитой Частной опере, где пел Шаляпин, где ставились великие творения русской музыки, встретил Врубель свою «бабочку», своего «соловья» — Надежду Ивановну Забелу, ставшую его обожаемой женой. Сценография мамонтовских спектаклей сверкает именами Левитана, Симова, Коровина, Николая Чехова и многих иных. С Мамонтовым связана история русских народных промыслов, журнальных изданий и выставок. Он помогал Репину, Серову, Римскому-Корсакову. Отчего же Врубель, этот нежный, за малое благодарный людям человек, сына своего назвавший в честь Мамонтова, написал Савву Ивановича «кондотьером»?

На то и является миру художник, чтобы предчувствовать, на то и существует пушкинское понятие «пророк». Тяжелая глыба восседает в ренессансном кресле, едва дыша через белый пластрон фрака; золотая цепь на животе, кажется, приковала Мамонтова к неподвижной мебели, а может, и к стене. Врубелевские «соты» или «кристаллы» фона кажутся тут кирпичной кладкой, втягивающей в себя глиняную фигуру с красными огромными глазницами. Глазницы трагически бездонны, как у маски, а сердце фигуры во фраке остановилось, окоченело.

Волхова и Царевна-Лебедь поняла гениального Врубеля. Как у Пушкина — шесть с малым лет взаимности, обожания, счастья, необыкновенных творческих свершений. Какой контраст всей остальной — всем остальным жизням Врубеля. У него есть дом даже какие-то вещи. Кто-то восхищен его элегантною. Ему заказывают скульптуры и панно для своих особняков московские богатеи. Он участвует в выставках. У него рождается синеглазый сын. Но мальчик не прожит и трех лет, а Врубель, написав «Поверженного демона» —

титанический холст, едва уместящийся поперек комнаты в Лубянском проезде — сойдет с ума и, прежде чем умереть, потеряет зрение. Оглохший Бетховен, ослепший Врубель — каким жгучим отчаянием оплатили свое бессмертие гении, поднявшись к высотам духа!

Но побудем еще немного с Врубелем в дни его счастья и накануне.

«Сейчас я опять в Абрамцево и опять меня обдаёт, нет, не обдаёт, а слышится мне интимная национальная нотка, которую мне так хочется поймать на холсте... Это музыка цельного человека, не расчлененного отвлеченными упорядоченными, дифференцированным и бледного Запада».

Письмо рубежа: «интимная национальная нотка», «музыка цельного человека» — Врубель словно знает, что лучшее время жизни будет для него связано с музыкой Римского-Корсакова, которую его любимая поет не как артисты, а «как человек». Сценография «Сказки о царе Салтане», «Илья Муромец»; «Снегурочка» на плафоне нового театра Частной оперы; скульптурная серия с Купавой, Берендеем, Лелем, Мизгирем, Садко... Римский-Корсаков посвящает Забеле и Врубелю новые свои романсы «Сон в летнюю ночь» и «Нимфа».

После внезапной смерти двухлетнего Савочки Врубель сам попросил близких отправить его в лечебницу — он знал, что душа его больна. Несколько лет около него менялись врачи. Из рижской клиники его везли в Москву, оттуда в Петербург, на какое-то время он казался выздоровевшим, почти прежним, и снова гасло сознание, таяли силы. Краткие просветления давал только подмосковный санаторий доктора Уфимцева, расположившийся «в Петровском парке возле Зыкова». Этот адрес дает Валерий Брюсов, последняя модель великого мастера. Творческий жар не оставил Врубеля, пока глаза его видели и железные пальцы держали карандаш. Федор Арсентьевич Уфимцев — основанный им санаторий стоит и ныне неподалеку от стадиона «Динамо» — так вспоминал о своем замечательном пациенте:

«Из длинной вереницы прошедших передо мною людей, душевный спектр которых разложила болезнь, его спектр был самый богатый и самый яркий... Творчество было для него так же легко и так же необходимо, как дыхание. Пока жив человек, — он все дышит; пока дышал Врубель, — он все творил».

В краткие месяцы просветления Михаил Александрович написал два знаменитых портрета Надежды Ивановны Забелы. Один на фоне осенних голых берез. Другой — дома, после спектакля, у открытой горячей печки. Это были последние мгновения из тех немногих — у печки, подле любящей руки, — которые подарила Врубелю судьба. И все реже вспыхивали потухающие угольки жара. Исчезала горестная жизнь гения, а искусство сохранило ее чудесной, лучезарной, воспаряющей, озаренной изнутри мягким светом и окутанной сиреневой мглой.

Над могилой Врубеля говорил Александр Блок, тоже не знавший его при жизни. Неважно — сын родной по духу.

«Для мира остались дивные краски и причудливые чертежи, похищенные у Вечности, — сказал Блок. — ...Как недлинен мост в будущее!.. Что такое «гений»?..»

Он был похож
на вечер ясный —
Ни день, ни ночь,
ни мрак, ни свет.

Снизу ползет синий сумрак
ночи и медлит затоплять золото
и перламутр. В этой борьбе...
уже брезжит иное; в художнике
открывается сердце пророка...».

Блок размышлял о Врубеле, не зная, что говорит и о себе.